

УБИЙСТВО НА ОКСФОРДСКОМ КАНАЛЕ

Инспектор уголовной полиции
Хиллари Грин
Книга первая

Фейт Мартин

Карьера Пресс
Москва

Моим прекрасным читателям

ГЛАВА 1

Хиллари Грин перекадилась на бок и открыла глаза. В крошечное оконце нехотя сочились скудные лучи света.

Хиллари застонала. Каких-нибудь две секунды после пробуждения — и она уже тоскует по своей старой спальне, по широким окнам с двойными стеклами, сквозь которые щедро лились солнечные лучи.

Снова раздалось чириканье — то самое, что разбудило ее несколькими мгновениями раньше, — и она торопливо высунула руку из-под тонкой простыни, немедленно ударившись костяшками пальцев о стену, отстоявшую (как, по крайней мере, казалось Хиллари) от кровати на считанные дюймы.

Ойкнув от боли, она зашарила по полу в поисках мобильного телефона и, все еще шурясь, нажала правую кнопку.

— Инспектор уголовной полиции Грин слушает, — пробурчала она, понимая, что в такую рань звонить могут только по работе. Да который час, черт побери? Она поглядела вниз, но циферблат наручных часов, которые тоже остались лежать на полу, был невелик, и на таком расстоянии она могла разглядеть лишь его очертания.

Черт возьми, надо купить нормальную тумбочку. Только куда ее тут воткнуть?

— Доброе утро, Хиллари. Надеюсь, не разбудил.

Глаза открылись сами собой. Нет, она не заставила себя сесть прямо, но синапсы в мозгу определенно заработали быстрее.

— Доброе утро, сэр, — уклончиво ответила она.

Перед ее внутренним взглядом встал суперинтендант Маркус Донливи, его улыбка и взгляд из-под тяжелых век. Расчесанные на пробор седые волосы лежат волосок к волоску, словно перья на утиной спинке, брюки — неустанными стараниями жены — безупречно выглажены. А в недрах этого безукоризненного образа наверняка поместились стакан свежавыжатого апельсинового сока и два тоста из органического ржаного хлеба. Ах да, и на тостах — тоненький слой диетического маргарина, призванного снизить уровень холестерина.

Да который же все-таки час, прах все побори? Не могла же она проспать?!

— Просто решил позвонить, чтобы тебе не пришлось лишний раз ехать в Большой дом, — задушевно признался он. Хиллари моргнула. Его упорное пристрастие к этому совершенно неподходящему выражению (большим домом на американском сленге именовалась тюрьма) вечно ставило ее в тупик. Но название прижилось, и в конце концов Кидлингтонский участок полиции долины Темзы все стали называть Большим домом. Хиллари и сама так говорила. Вот только это ну никак не сочеталось ни с идеальным, почти оксфордским произношением начальника, ни с его упорными надеждами на повышение, над которыми подшучивали все кому не лень.

Насторожившись, она приподнялась, проглотила зе-

вок и попыталась скрыть пробудившееся от его слов леденящее предчувствие.

— В самом деле? — заметила она, надеясь, что голос ее звучит в меру равнодушно. Сглотнула, чтобы избавиться от кома в горле, оперлась на локоть и уставилась в стену, словно желая прожечь ее взглядом.

Значит, конец.

— Да. Поезжай напрямик на шлюз Дэшвуд-лок. Это ведь в твоих краях, верно?

Его слова наполнили ее таким облегчением, что она даже не сразу осознала их смысл.

Значит, ее не отстраняют. Ничего такого они не раскопали.

Просто очередное дело.

— Там труп, причем весьма подозрительный, — журчал у нее в ухе голос Маркуса Донливи, но слова звучали все отрывистой, а значит, ей следует пошевелиться. — Ты у нас большой знаток по этой части, поэтому я решил поставить на это дело тебя. Докладывай обо всем без задержек, договорились?

— Да, сэр, — произнесла Хиллари так же отрывисто, и ответом ей были короткие гудки из трубки. Щурясь, она нашла на телефоне кнопку отбоя, откинулась на подушки и секунду-другую сидела так, размышляя, не пора ли завести пару очков для чтения.

Когда она в последний раз проверяла зрение? Хоть раз в жизни проверяла? Да, наверняка — в школе уж точно. Но школа была так давно, что уж и не вспомнить.

Хиллари легко вздохнула, тихонько засмеялась сама над собой и отбросила одеяло. Спустив ноги с кровати, она едва не ударилась коленями о стену. Вытянула руку, отдернула с круглого окна занавеску размером едва ли больше носового платка и сладко зевнула.

Надела часы. Восемь пятнадцать — теперь, на свету, она видела четко. К черту окулиста, обойдемся без него.

Говорите, в сороковник здоровье начинает сыпаться? Ну, это мы еще посмотрим!

Она подцепила колготки и натянула их, извиваясь всем телом, потом стянула футболку с группой «Деф Леппард» на груди — верное свидетельство впустую растраченной юности, ныне разжалованное в ночные рубашки. Потянулась за бюстгалтером, бросила взгляд вниз: показалось, или грудь и впрямь начала отвисать? Да нет же, это просто в голове туман, надо выпить кофе, и все пройдет.

А может, и хуже — может, она растолстела.

Хиллари торопливо и совершенно неизящно застегнула дешевый бюстгалтер и встала. От кровати до шкафа с одеждой был всего шаг. Раздвижные дверцы шкафа вечно заедало.

Вот чего еще ей не хватало — дверей, которые открывались бы как все нормальные двери.

Как всегда по утрам, она привычно помянула недобрым словом бывшего мужа. Или экс-мужа? Или покойного мужа? Она так и не решила, как его правильно называть. Впрочем, в каком бы статусе ни пребывал Ронни — текущего, бывшего, почившего и неоплаканного, — одно о нем можно было сказать точно: он, несомненно, был худшим из всего, что случилось с ней в жизни.

Она достала синюю юбку, подобрала к ней голубую блузку и быстро оделась. Точно выверенный шаг вправо — и вот Хиллари уже стоит перед маленьким зеркалом.

Что это там, в короткой практичной прическе, седина или просто свет неудачно падает? А, ладно — несколько взмахов щеткой, разделить волосы на пробор, словно два крыла, и убрать их назад — все в порядке. Несколько бы-

стрых прикосновений пуховки, мазок темной губной помады — и она готова.

В животе заурчало.

Ладно, почти готова.

Она вышла в вечно открытую дверь и оказалась в крохотном коридоре, из которого попала в гостиную, совмещенную с кухней. На тосты времени уже не было — да, пожалуй, оно и к лучшему. Вечная борьба с лишним весом начинала ее утомлять, но сдаваться еще было рано.

Она осторожно включила конфорку под чайником, опасаясь, что пришла пора сменить газовый баллон. Но нет, несколько секунд спустя чайник зашумел, словно упрекая ее за недоверие. Ложка растворимого кофе, искусственный подсластитель, и мир явно стал ярче. Не в последнюю очередь — благодаря нормальным окнам, которые имелись в этой комнате.

За окном обнадеживающе царили зелень и голубизна. И немного желтого. Неужели день будет солнечный? Английский май — штука непредсказуемая, никогда не знаешь, что ждет тебя за дверью, если наберешься смелости, чтобы высунуть нос из дому.

— Дэшвуд-лок... — пробормотала Хиллари и взялась за телефон.

Это в Оксфорде, через Кидлингтон и дальше. Палец ее застыл над нынешним местом жительства, деревней под странным названием Трупп, располагавшейся сразу за Кидлингтоном и чуть правее. Дэшвуд, наверное, севернее. Она стала перематывать карту. Нижний Хейфорд, дальше по дороге, Кливз-Бридж, Хай-Буш-Бридж — и вот он, Дэшвуд-лок. Она задумчиво постучала пальцем по карте.

Прозрачный лак на ногте указательного пальца успел облупиться. Черт.

Сплошное зеленое пятно. Такое впечатление, что шлюз

Дэшвуд-лок упал с неба и угодил прямиком в какую-то прямо-таки невообразимую глушь. Просто замечательно. Значит, не будет ни свидетелей, ни поквартирных обходов, ни малейшей надежды на зацепку — разве что местным коровам или козам придет охота поболтать.

— Черт, — пробормотала Хиллари и на глазок прикинула расстояние до места происшествия. Четыре мили. Сесть на велосипед и прокатиться с ветерком вдоль канала. И для бедер полезно. Мы ведь, кажется, боремся с лишним весом, вот и будет ему шах и мат.

Только где это видано, чтобы старший следователь прибывал на место преступления на велосипеде? Так не бывает. Не хватало еще выставить себя чокнутой «зеленой», и без того проблем хватает, спасибо проклятому Ронни.

Нет, придется все-таки на машине. Значит, надо будет найти ближайшую деревню, это получается Нортбрук. Задумчиво разглядывая карту, она усмехнулась, скривив губы, — уж конечно, жизнь в этом Нортбруке бьет ключом, а добропорядочные граждане в очередь выстроятся, чтобы помочь полиции в расследовании.

Поглядывая на часы, она принялась торопливо глотать кофе. После разговора с Донливи прошло всего пять минут.

Почему ей позвонил именно Донливи, вот в чем вопрос! Получив первую утреннюю дозу кофеина, мозг нехотя начинал просыпаться. Ведь куда чаще распределением дел занимался не он, а главный инспектор Мякиш Мэллоу.

Как вариант — ему приказано не отсвечивать, пока не наступит ясность с Ронни. Тогда Донливи какое-то время будет маячить на горизонте, словно перчаточный ангел в детском кукольном театре.

Внутри у нее снова проснулось знакомое противное

чувство, и она залпом проглотила оставшийся кофе, скрившись от вкуса искусственного подсластителя и с тоской подумав о настоящем сахаре и об удовольствии.

Ни того ни другого впереди не предвиделось.

Она взяла сумку и куртку и боком вышла в узкий коридор. Мельком заглянула в спальню, где осталась небранной кровать, пожала плечами и, комично пригибаясь, поднялась по железной лестнице. В первые дни на новом месте Хиллари успела несколько раз чувствительно приложиться головой о потолок, после чего приобрела привычку горбиться как Квазимодо всякий раз, когда пробиралась к выходу.

Она отодвинула засов на верхушке двойной металлической двери и вышла в солнечное майское утро. На иве напротив семейство длиннохвостых синиц привычно распевало свою звонкую утреннюю песню, и проходившая мимо женщина с собакой на поводке улыбнулась Хиллари.

Ну да, ну да, подумала Хиллари в адрес всех сразу, и синиц, и женщины, и все-таки на улице ей немедленно стало лучше, ведь здесь можно было дышать полной грудью и двигаться свободно.

Переступила через порог, сошла на твердую землю, захлопнула за собой дверь и заперла ее на ключ.

Забросив сумку через плечо, она развернулась и пошла вдоль «Мёллерна» — все пятьдесят футов, — рассеянно скользя взглядом по его крашеному борту.

Подобно большинству судов, стоявших у шикарных частных пристаней, которыми изобиловали каналы Труппа, ниже ватерлинии «Мёллерн» был выкрашен в черный цвет. Он был весьма ухожен, однако, в отличие от соседних судов, пестревших жизнерадостными оттенками голубого, зеленого, красного и желтого — излюбленных цветов местных художников, — дядюшкина лодка сочетала в себе

жемчужный оттенок серого, а также белый и черный цвета с редким вкраплением бледных золотистых пятен.

Ей смутно вспоминалось, что когда-то дядюшка говорил: «мёллерн» на местном диалекте означает «цапля». Наверное, это как Брок-бобер и Рейнар-лис, подумала она. Должно быть, и цветами своими лодка обязана была оперению этой грациозной речной птицы.

О чем только она не думала в те годы — о чем угодно, только не о том, что однажды это судно сыграет такую важную роль в ее жизни.

Но в ноябре прошлого года, когда она переехала, предполагалось, что временно, на «Мёллерн», судно казалось ей таким же серым и унылым, как погода вокруг. Идеальное отражение ее собственного душевного состояния.

В зарослях осоки нежно запела малиновка. Краем глаза Хиллари уловила яркое оранжевое пятнышко; птица — или птиц? — перепрыгивала с ветки на ветку, и уголки губ женщины приподнялись в улыбке.

Ее «фольксваген» выглядел очень прилично для своего возраста. Машине было без малого двенадцать лет, однако на светло-зеленом покрытии кузова не было ни щербинки. Просто удивительно, как быстро человек, лишенный возможности купить новую машину, выучивается пользоваться автомобильным воском. Даже если раньше презирал этот воск всеми фибрами души.

Хиллари открыла дверь, села и вставила ключ в замок зажигания. Оптимистичный настрой не покидал ее. Мотор завелся мгновенно и заурчал ровно-ровно, как кошка. Она давно подозревала, что механик в гараже тайно в нее влюблен.

Потянулась за ремнем, чтобы пристегнуться, и нахмурилась. Нет, если бы механик был влюблен, он обслуживал бы машину из рук вон плохо, чтобы Хиллари приходилось

приезжать почаще. Проклятье! Она умела думать, как коп, но иногда ненавидела эту свою способность.

Автомобиль выехал на дорогу, соединявшую Оксфорд и Банбери, и покатил на север, и Хиллари наконец-то заставила себя думать о работе и о шлюзе Дэшвуд-лок.

Труп, причем весьма подозрительный. Вопреки расхожему мнению, на полицейском языке «подозрительной» именовали едва ли не каждую смерть до тех пор, пока не будет доказано обратное. Доказывал это обратное обычно патологоанатом.

На заре своей карьеры Хиллари, мелкая сошка, как и все прочие констебли, повидала смерть во всех возможных видах и обличьях. Бытовые убийства, ДТП, поножовщина, несчастные случаи на производстве — что ни назови, она всего насмотрелась.

Нынешний случай вряд ли представлял особый простор для воображения. Труп в шлюзе — значит, скорее всего, утопленник. Скорее всего, из отдыхающих — не привык управляться с судном, перепил, свалился за борт, и с концами.

Скорее всего.

В Хопкрофтс-Холт Хиллари, поглядывая одним глазом на телефон, свернула с дороги. Она не сомневалась: есть путь и покороче, но кому, скажите на милость, захочется возиться и выискивать его на одной лишь чашке кофе с искусственным подсластителем? Она следила за маршрутом по гугл-карте, и у Блетчингтона едва не пропустила грязный деревянный указатель, отмечавший поворот на Нортбрук. Осторожно свернув на ухабистую дорогу с одной-единственной колеей, Хиллари огляделась.

Пшеничные поля.

Поля — и больше ничего.

Всю жизнь прожив в Оксфордшире и большую часть из

этих двадцати лет в Кидлингтоне, она знала, что днем деревня обычно выглядит заброшенной, ибо большинство ее обитателей, словно выпущенные из клетки почтовые голуби, рано поутру разлетаются в город, на работу, чтобы вернуться лишь вечером, усталыми и измотанными, к ужину и телевизору.

Деревушка вроде Нортбрука — да какая там деревушка, в лучшем случае хутор, потому что нигде, куда ни падал ее взгляд, не было видно церковного шпиля, — не была исключением. Разве что пенсионер какой-нибудь попадет-ся.

По узкой дороге она миновала несколько коттеджей и домов побольше, и тут дорога кончилась. А у конца ее, на обочине, был припаркован ярко-красный «мини-купер».

Хиллари вздохнула. Значит, она на месте. А еще это значит, что на дело вместе с ней назначили сержанта Джанин Тайлер.

Хиллари криво усмехнулась. Вот уж Джанин довольна.

* * *

Джанин Тайлер устало прохаживалась туда-обратно, в глубине души борясь с соблазном усесться на черно-белую верхушку рычага шлюзовых ворот. Ночь накануне выдалась бурная, да и на место Джанин прибыла добрых полчаса назад и теперь дожидалась приезда начальства, ответственного за ведение расследования. Она уже вызвала медика, который стоял сейчас на краю шлюза, глядя вниз, и эксперта-криминалиста, который был в пути. Если сейчас она оставит на воротах шлюза смачный отпечаток собственной задницы, эти ребята по головке не погладят.

Джанин тоскливо смотрела на траву, прикидывая, достаточно ли она суха, чтобы можно было сесть, как вдруг услышала приближающиеся шаги и повернулась на звук.

По тропинке шла инспектор Хиллари Грин — по обыкновению энергичная, невозмутимая и с выражением непоколебимой уверенности на лице.

Джанин ощутила укол разочарования.

Конечно, она и не думала, что на заурядный подозрительный труп приедет Мэл — то есть главный инспектор Филип Мэллоу, вот так правильно. Но все равно жаль. Ей нравилось с ним работать. Она крепко подозревала, что Филип к ней неравнодушен. А что такого? Он разведен. Даже дважды. И потом, однажды на парковке он притормозил и подождал, пока она сдавала назад. Ну да, не свидание, как в «Короткой встрече», но практически любой полицейский старше нее по званию просто ударил бы по газам и унесся прочь, сверкая мигалкой, оставив позади ее и ее новенький «мини-купер».

А главный инспектор улыбнулся ей, когда она выезжала. Особенной улыбкой. Так улыбаются мужчины, которым ты нравишься.

Как было бы славно, если бы у нее нашелся повод побывать хотя бы чуть-чуть рядом с Мякишем Мэллоу. Нет, она ничего не имела против Хиллари. По правде говоря, в Большом доме о Хиллари если и сплетничали, то по-доброму, всегда, даже когда впереди замаячило расследование по поводу ее покойного мужа. Как-то само собой выходило, что, если любой полицейский (или любой сотрудник полиции, или жена этого самого полицейского) попадал под микроскоп чужих служб, для родного участка он становился практически святым. Все так и норовили его поддержать. Хотя, конечно, бывали и такие, кто предпочитал оставаться в стороне от происходящего.

Джанин была не из тех, кто боялся запятнать себя общением с человеком, который, возможно, повинен в преступлении. Она просто не любила подчиняться женщи-

нам. Вот и все. И зависть тут совсем ни при чем. Хиллари Грин до сих пор была обычным инспектором, а ведь ей уже лет сорок. Так себе карьерный рост, а? Конечно, дослужиться до инспектора даже и в наше время удается не каждой женщине, но Джанин в свои двадцать восемь уже была сержантом, еще через пару лет намеревалась стать инспектором, и была уверена, что пост главного инспектора получит задолго до сорока.

С Хиллари они вполне уживались. Да что там, если не считать этого придурка Фрэнка Росса, во всем Большом доме не было, пожалуй, никого, кто питал бы неприязнь к Хиллари. Если так подумать, сказала себе Джанин, это само по себе уже изрядное достижение. Просто когда две женщины работают вместе над одним делом, окружающие вечно начинают подпихивать вас локтем, подмигивать, подшучивать, а Джанин все эти шуточки «между вами, девочками» просто бесили.

И она крепко подозревала, что это написано у нее на лице большими буквами.

Подойдя ближе, Хиллари заметила, что подчиненная вытянулась в струнку, словно ожидая головной боли. С ней-то что не так, устало подумала Хиллари, но как ни старалась, так и не припомнила никакой мозоли, на которую она могла наступить сержанту в прошлом.

Вдобавок к этому рядом с Джанин она немедленно почувствовала себя уродиной. Ростом Джанин была пять футов шесть дюймов — на добрых три-четыре дюйма ниже Хиллари. И вдобавок блондинка, черт ее возьми. И к тому же стройная. Тысяча чертей!

Но у нее были все задатки хорошего полицейского, и Хиллари, будучи старшим следователем по этому делу, знала, что должна будет не только руководить сержантом, но и учить ее.

Даже если ученица предпочла бы в учителя кого угодно, кроме нее.

И наверное, кроме Фрэнка Росса.

— Что у нас тут? — спросила Хиллари, стараясь, чтобы голос ее не походил на рычание собаки, у которой отняли кость.

— Босс, — приветствовала ее Джанин. — Некая миссис Миллакер вышла сегодня утром на прогулку с собакой и примерно в семь тридцать наткнулась на тело. Она работает в Саммертауне, в винном магазине, с девяти. Позвонила с мобильного и дождалась нас, чтобы все показать.

Хиллари кивнула. Все как обычно. Просто удивительно, как часто собачники на прогулке находят трупы. Будь люди поумнее, вздохнула про себя Хиллари, сидели бы после такого по домам.

Она посмотрела на женщину, которая стояла чуть дальше по тропинке. В ее позе читались тревога, возбуждение, любопытство и восторг — все одновременно. Хиллари вдруг захотелось дать ей совет: заведите кота. Или попугайчика.

Показания пусть снимает Джанин, попозже.

Хиллари подошла к краю шлюза и посмотрела на медика.

Стивену Партриджу перевалило за пятьдесят, хотя по его одежде и крашеным волосам догадаться об этом было невозможно.

Партридж играл в сквош. Причем получал от этого удовольствие. Хиллари, которой любые физические упражнения и спортивные игры внушали непреодолимое отвращение, считала, что этим все сказано. Впрочем, Партридж был ей симпатичен. Ему был не чужд специфический юмор патологоанатомов, но док относился к покойникам с уважением, да и полицейских не слишком третировал.

— Док, — негромко сказала она.

Задумчивый взгляд его водянистых голубых глаз задержался на ней, и врач рассеянно улыбнулся, словно не сразу узнав. Она не обижалась. Задумался человек, бывает.

— Хиллари. Значит, это дело сбросили вам, — заметил он, как будто это и так не было ясно.

Она кивнула, опустив взгляд. И тут же об этом пожалела. Созерцание трупов не принадлежало к числу ее любимых занятий.

Хуже того — шлюз был спущен. А глубины он был изрядной. Сколько же отсюда до тела — пятнадцать футов? Или больше? Хиллари не любила высоту. Почувствовав легкое головокружение, она быстро отвернулась.

Золотое поле ячменя колыхалось на ветру. За спиной у Хиллари зеленела типичная для Англии живая изгородь, в которой боярышник сплетался с ольхой, терновником, дикой сливой и прочими кустарниками. За изгородью простирался совершенно пустой луг для выпаса скота, а за лугом тянулась железная дорога. Послышался звук приближающегося поезда.

Хиллари повернулась, чтобы увидеть его — синий с зеленым и белым экспресс о трех вагонах. Впрочем, даже проезжай поезд мимо в самый момент трагедии, едва ли пассажирам удалось бы разглядеть происходящее в зарослях.

— Какой-то он потрепанный, — голос Стивена Партриджа отвлек ее от размышлений, и она повернулась и вновь посмотрела вниз.

Труп плавал лицом вниз, поэтому трудно было разглядеть его толком. Видны были темные волосы и некогда белая рубашка, надувшаяся пузырями там, где под ней скопился воздух. Ноги были очень темного цвета — джинсы? Значит, погибший был молод? Допустим, подросток, ко-

торый приехал на выходные с родителями, но вчера вечером те слишком много выпили, и... Нет. Тогда бы его уже искали.

Но почему она решила, что этот человек упал в воду вчера вечером? Не исключено, что несчастный случай произошел несколько часов назад. Или даже меньше. Студенческая компания? До Оксфорда недалеко, а среди молодежи нынче популярны водные прогулки по каналам. Может быть, в нескольких милях отсюда где-нибудь на берегу канала как раз просыпаются подростки, мучаются головной болью, спрашивают друг друга, куда подевался дружбан такой-то.

— Видите, под каким углом повернута левая нога? А темные пятна, вон там, где рубашка заправлена в брюки? — голос медика вновь прервал ее размышления. — Кажется, парню изрядно досталось.

Краем глаза она заметила стройную светловолосую фигуру — сержант подошла и встала рядом, усилием воли заглушила жалобы собственного желудка, твердившего, что, когда все это кончится, она выбросит труп из головы, вернется в Большой дом и обязательно забежит в столовую и возьмет себе яичницу с сосиской.

— Травма от винта? — спросила она, не рассчитывая на ответ. Полицейские хирурги, патологоанатомы и медики вообще очень не любили гадать. Делать предположения разрешалось только после вскрытия, но до — почти никогда.

Стивен Партридж вздохнул.

— Я не знала, как будет лучше — спустить шлюз и послать людей, чтобы вытащили его оттуда посуху, или залить доверху, чтобы он поднялся. Так, наверное, было бы проще. — Джанин уже знала, каков будет ответ Хиллари, но, как это часто бывало в присутствии инспектора,

чувствовала потребность заговорить, сказать что-нибудь вслух. Возможно, дело было в том, что до всей этой ерунды с Ронни Грином у Хиллари был безупречный послужной список, и Джанин хотелось узнать, как это ей удалось. Хиллари постоянно показывала хорошие результаты — по крайней мере, по слухам. Все знали, что Старик Маркус признает за ней «мозги настоящего детектива». Что бы это там ни означало.

— Не надо заливать доверху, — тут же возразила Хиллари. — Лучше вызовем водолазов. Мало ли что там выпало из карманов у жертвы.

— Есть, — тихо сказала Джанин, отошла на несколько шагов и достала телефон, чтобы вызвать полицейских водолазов. Вернув себе толику контроля над происходящим, она повеселела.

Хиллари, которая уже давным-давно разучилась получать удовольствие от раздачи указаний, смотрела в шлюз, и лицо у нее было мрачным под стать лицу Партриджа. Придется перекапывать грязь на дне, а там наверняка толстый слой, думала она. Да уж, водолазам не позавидуешь.

Кстати, о специалистах: почему док сам до сих пор не возится с утопленником там, внизу, героически облачившись в белый комбинезон и резиновые сапоги?

— А вы разве не собираетесь спускаться? — спросила Хиллари, старательно пряча усмешку. Доктор Партридж невольно бросил взгляд на свой костюм от Ива Сен-Лорана, и буквально на миллиметр приподнял ухоженные брови.

— Шутите? — сказал он. — Один дуралей уже спустился — сами видите, что из этого вышло.

Возразить ей было нечего.